

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190

Рецензия / Book review

В.В. Кочетков*

НА ПУТИ К СУВЕРЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ?

Размышления на полях книги Л.С. Воронкова

«Либеральные ценности в теории и на практике.

О проблемах интеллектуальной деколонизации России»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В центре внимания автора рецензии — монография Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России», увидевшая свет в 2024 г. Рецензент выделяет и подробно комментирует несколько ключевых тем, которые красной нитью проходят через всю рассматриваемую книгу. В первой части проанализированы взгляды автора на комплекс проблем, связанных со спецификой организации власти и деятельностью элит в западных либерально-демократических государствах. Подробно рассмотрены политические и экономические противоречия, присущие либерально-демократической модели общественного развития, активно насаждаемой странами коллективного Запада для поддержания собственного доминирования в системе международных отношений. Показано, что наравне с экономическими и политическими инструментами западные элиты используют практики культурной гегемонии, тесно связанные с политикой колониализма и неоколониализма. Взгляды Л.С. Воронкова на проблемы интеллектуального колониализма освещены во второй части рецензии.

* Кочетков Владимир Викторович — доктор социологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vkochetkov58@mail.ru).

** Воронков Л.С. Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России. М.: МГИМО-Университет, 2024.

Особое внимание уделено изучению роли западных подходов в теории международных отношений в легитимизации и продвижении интересов США и их союзников. Показано, что эти подходы, позиционировавшиеся как строго научные, в действительности представляли собой изощренную систему камуфлирования реальных экономических интересов западных стран. В этом контексте книга Л.С. Воронкова представляет особый интерес, поскольку демонстрирует одну из первых попыток фундаментально и глубоко обосновать необходимость выработки отечественного взгляда на международные отношения с учетом исторической специфики России. И хотя не со всеми выводами и наблюдениями автора можно согласиться, хочется надеяться, что монография Л.С. Воронкова внесет свой вклад в процесс складывания новой, суверенной российской науки о международных отношениях.

Ключевые слова: интеллектуальный колониализм, неоколониализм, суверенитет, демократия, права человека, теория международных отношений

Для цитирования: Кочетков В.В. На пути к суверенности российской науки о международных отношениях? Размышления на полях книги Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 175–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190.

Vladimir V. Kochetkov

TOWARDS SOVEREIGN INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES?

Book review of 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia' by L.S. Voronkov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The book under review is a new monograph by L.S. Voronkov 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia', published in 2024. The reviewer discusses in detail several key topics and central ideas of the book under consideration. The first section covers the author's views

on a set of problems related to the specifics of power relations and the role of political elites in Western liberal democratic states. It also highlights the political and economic contradictions inherent to the liberal democratic model of social development, propagated by the countries of the 'collective West' in order to maintain their own dominance in the system of international relations. It is shown that, along with economic and political instruments, Western elites do not disdain practices of cultural hegemony, arising from the colonialism and neocolonialism. The second section considers L.S. Voronkov's views on the issues of intellectual colonialism. Special attention is paid to the role of Western approaches within the theory of international relations in legitimizing and promoting the interests of the United States and its allies. It is shown that these approaches, positioned as strictly scientific, actually represented a sophisticated system aimed at concealing the real economic interests of Western countries. In this context, the book by L.S. Voronkov is of particular interest since it makes a strong case for the development of Russia's own perspective on international relations, with due regard to its specific historical features. Although some author's conclusions and observations can be contested, L.S. Voronkov's monograph will hopefully contribute to the emergence of Russian sovereign international relations studies.

Keywords: intellectual colonialism, neocolonialism, sovereignty, democracy, human rights, international relations theory

About the author: *Vladimir V. Kochetkov* — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Head of the Chair of Geopolitics, School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vkochetkov58@mail.ru).

For citation: Kochetkov V.V. 2024. Towards sovereign international relations studies? Book review of 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia' by L.S. Voronkov. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 175–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190. (In Russ.)

Проблема идейной гегемонии коллективного Запада в международных отношениях и связанной с ней давно назревшей необходимости интеллектуальной деколонизации России, которую поднимает в своей книге Л.С. Воронков, приобретает в современных условиях особую остроту и злободневность. Несмотря на свою чрезвычайную актуальность, она только в самое последнее время начинает активно обсуждаться в российском научном сообществе. Значительный вклад в эту дискуссию вносит рассматриваемый труд. Книга Л.С. Воронкова обращает внимание на застарелые проблемы современного

мирового порядка и заставляет ставить новые вопросы, поэтому дальнейшее изложение будет представлять собой развернутые комментарии рецензента по нескольким ключевым сюжетам, красной нитью проходящим через монографию.

Государство, элиты и демократия

В первой главе «Государство как социальный институт и его функции» Л.С. Воронков раскрывает важные функции государства (с. 52–62) и справедливо отмечает: «...всякие разговоры об отмирании государства являются утопическими и оторванными от реальности» (с. 62). В книге рассмотрены различные концепции государства, в том числе фашистского государства в Италии и национал-социалистического государства в Германии в 1930–1940-е годы. Особое внимание автор уделяет проблеме государственного суверенитета и его размывания под влиянием незаконных санкций и военного вмешательства США и их союзников (с. 84–89).

Историю человечества Л.С. Воронков рассматривает сквозь призму постоянной борьбы между элитами, отстаивающими свои привилегии, и основной массой населения, движимой стремлением к выживанию. Автор скрупулезно пытается разобраться, что такое демократия, и приходит к следующему выводу: несмотря на то что ее относят к числу неоспоримых ценностей, к торжеству которых человечество должно обязательно стремиться во всех сферах общественной жизни, «содержание понятия “демократия” остается размытым и невнятным» (с. 106–107). Суть демократии составляют механизмы передачи полномочий выражать волю народа его избранным представителям.

Продвигая своих доверенных лиц для обеспечения собственных интересов, элита вынуждена обосновывать свою позицию заботой о благе большинства. Иными словами, элита убеждает большинство, что проводимая политика полезна именно для него. Существенный изъян западной модели демократии состоит в том, что, будучи избранными, политики не несут ответственности перед избирателями за предвыборные обещания.

Например, в британском парламенте действует доктрина независимости депутатов от избирателей, так как они якобы представляют всю нацию. С 2016 г. определявшие политику Великобритании премьер-министры Дэвид Кэмерон, Тереза Мэй, Борис Джонсон, Элизабет Трасс и Риши Сунак приводились к власти узкой вер-

хушкой Консервативной партии без участия избирателей. В 2023 г. в Финляндии Национальная коалиционная партия набрала 15% голосов и одержала победу, получив право сформировать правительство. Длительное время в этой стране велись дискуссии о том, что вопрос вступления в НАТО будет решен на референдуме. Однако Финляндия стала членом альянса без него. Превращение реального меньшинства в виртуальное большинство особенно заметно при создании коалиционных правительств. Ни одна из входящих в них партий не отражает волю большинства, однако вместе они способны влиять на политику. Кроме того, вхождение в коалиции требует внесения изменений в предвыборные программы. Эти изменения также осуществляются без участия избирателей.

В итоге основная задача выборов в либерально-демократических системах — легитимизация власти. Все атрибуты демократии заточены именно под эту главную функцию, поэтому выборы позволяют «менять лишь правительства, но не политику»¹. Англосаксонская демократия характеризуется экспертами как «сговор большого правительства, большого бизнеса и больших финансов против всех остальных»². Несмотря на то что формально любой гражданин может быть избран, в реальности это доступно только для тех, кто обладает политическими, финансовыми и информационными ресурсами. Это гарантирует элитам преемственность их политики.

Л.С. Воронков делает вывод: «...защита власти и обеспечение интересов правящей элиты общества, включающей его наиболее состоятельную часть и представляющей явное меньшинство граждан, обосновывается как осуществление с помощью демократических выборов воли большинства граждан, то есть как торжество демократии, а большинство политических и государственных систем, стремящихся к защите и удовлетворению социально-экономических и иных интересов подлинного большинства граждан, объявляются авторитарными, деспотическими, не имеющими права на существование и подлежащими замене на “демократические”» (с. 125).

При этом западные правящие элиты отказываются признавать указанные проблемы и недостатки, имманентно присущие либеральной модели демократии. Напротив, после холодной войны США

¹ Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. С. 59.

² Механик А. За крахом справедливости следует крах лояльности // Эксперт. 2016. № 35. С. 81.

провозгласили стратегию «распространения демократии». На смену либерализму в обслуживании интересов западной элиты пришла теория неолиберализма с упором на снижение государственного регулирования и создание благоприятных условий для развития транснациональных корпораций. Социальное неравенство рассматривалось как благо, а усилия по созданию справедливого общества — как контрпродуктивные и разрушительные. Только рынок способен дать каждому то, что он заслуживает.

Билл Клинтон в своей речи в Джорджтаунском университете объявил демократию фактором международной жизни. Он утверждал, что выбирающие своих лидеров страны являются более надежными партнерами в торговле и дипломатии, чем государства с иными формами правления, и превратил поддержку демократии в приоритет своей администрации. Кроме того, президент требовал от Конгресса финансирования программ иностранной помощи, направленной на проведение выборов, и настаивал на том, что «относительно небольшие расходы сегодня являются инвестициями в долгосрочные интересы США»³. К поддержке демократии подключились Государственный департамент, Агентство по международному развитию, Национальный фонд развития демократии США. Резко активизировали свою деятельность международные неправительственные организации: «Amnesty International», «Human Rights Watch», «International Society for Human Rights», «Freedom House», Фонд Фридриха Эберта, Фонд Конрада Аденауэра, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд «Открытое общество», Фонд Форда и др.

Либеральной демократии, т.е. осуществлению власти от имени и по поручению народа избираемыми им представителями, приписываются свойства, которыми она в действительности не обладает. Так, распространению либеральной демократии способствовала вера в ее способность обеспечивать высокий уровень благосостояния. По логике ее сторонников, причиной уменьшения бедности стали не усилия суверенных государств и международного сообщества, а внедрение демократических избирательных систем и утверждение прав и свобод человека. Конечно, такие причинно-следственные связи не выдерживают столкновения с реальностью. Сегодня экономики развивающихся стран БРИКС растут быстрее экономик

³ Tallbot S. Deputy Secretary of State. Democracy and the national interest // Foreign Affairs. 1996. November/December. P. 47.

развитых государств. Связь этого роста с процедурами проведения демократических выборов не просматривается. Многие из быстро развивающихся стран к либерально-демократическим не относятся (Россия, Китай, «азиатские тигры»).

Как отмечают авторы журнала «Foreign Affairs», поскольку авторитарные государства развиваются быстрее, демократии перестают ассоциироваться с богатством и властью⁴. В 1980 г. доход на душу населения по паритету покупательной способности во Франции, Германии и США был в 20–30 раз выше, чем в Китае и Индии. К 2014 г. разрыв сократился для Индии до 6–10 раз, для Китая — до 3–4 раз. В 1980 г. экономика США превышала экономику КНР более чем в 10 раз, китайский валовой национальный продукт составлял 8% американского. В 2014 г. экономика Китая по паритету покупательной способности превысила экономику США. В 1975 г. экономика Франции вдвое превышала экономику Китая и в 3 раза — экономику Бразилии. В 2014 г. китайская экономика в 4 раза превысила французскую, а бразильская с ней сравнилась. В 1990-е годы экономика Китая росла на 9,3% ежегодно, в то время как среднемировой рост составлял 1,4%. В 2000-х годах рост экономики КНР ускорился до 9,9%, а в мире в среднем — до 2,3%. Доля Китая и Индии в мировой экономике увеличилась за последние 30 лет с 6 до 26%, а доля США, Великобритании, ЕС и Японии снизилась с 55% в 1990 г. до 37% в 2021 г. Впервые в истории доля демократических стран в мировом ВВП упала ниже половины, а доля в мировом ВВП государств, причисляемых «Freedom House» к авторитарным, увеличилась с 12% в 1990 г. до 33% в настоящее время. Из 15 стран с наивысшими показателями дохода на душу населения 10 относятся к «недемократическим». В соответствии с Индексом глобального благосостояния, разработанным банком «Credit Suisse», показатель Китая превзошел среднеевропейский уровень⁵. КНР занимает первое место по темпам роста благосостояния населения: с 2000 по 2021 г. оно увеличилось

⁴ Mounk Y. The end of the democratic century. Autocracy's global ascendance // Foreign Affairs. 2018. May/June. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-04-16/end-democratics-centure?cid=nlc-fa_fatoday-20181222&cutm_medium=newsletters&cutm_source=fatoday&utm_term=2-181225&utm_campaign=FA%20Today%201225%20Best%20of%202018;%20The%20End%20of%20the%20Democratic%20Centure (accessed: 21.08.2024).

⁵ Global wealth report 2024 // Credit Suisse. Available at: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (accessed: 21.08.2024).

в 8 раз⁶. Относимый либеральными идеологами к авторитарным режимам Китай за короткий исторический период вывел из состояния крайней нищеты сотни миллионов своих граждан.

Л.С. Воронков обращает внимание на то, что в последние годы даже западные эксперты отмечают низкое качество американской демократии. В 2017 г. журнал «Economist» понизил рейтинг США до «ущербной демократии», Международный институт демократии и содействия выборам классифицировал Соединенные Штаты как «отступающую демократию», а «Freedom House» оценил демократию в США на уровне Румынии и Хорватии. В отчете «The Electoral Integrity Project» США отнесены к странам с «умеренно честными выборами», уступив по этому показателю Монголии, Руанде и ЮАР. Фонд Карнеги пришел к выводу, что «до 40% американцев хотели иметь сильного лидера, не обязанного следовать демократическим правилам»⁷. Профессор политической теории Королевского колледжа в Кембридже Джон Данн писал о демократии: «Сегодня ясность и определенность этого термина утеряны»⁸. Фрэнсис Фукуяма считает, что политика, проводимая западными странами, привела к экономическому спаду, высокому уровню безработицы и падению доходов рядовых граждан, при этом, поскольку «США и ЕС были ведущими образцами либеральной демократии, это нанесло ущерб репутации демократии в целом»⁹.

В Европе и США сегодня опасаются потери своего 500-летнего доминирования, которое позволяло Западу перекачивать мировой валовой продукт в свою пользу¹⁰. По мере прекращения притока колониальных денег поддерживать высокий уровень жизни в странах

⁶ Сечин И. Второе похищение Европы // Эксперт. 2022. № 45. С. 48.

⁷ Kleinfeld R. Five strategies to support U.S. democracy // Carnegie Endowment. Available at: <https://carnegieendowment.org/2022/09/15/five-strategies-to-support-u.s.-democracy-pub-87918> (accessed: 21.08.2024).

⁸ Данн Дж. Не очаровываться демократией. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 12.

⁹ Fukuyama F. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. Available at: http://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?cid=20190522&spJobID=1644189931&spMailingID=59441076&spReportId=MTYONDE40TkzMQS2&spUserID=MTIwOTkONTQwODIxSO&sp_mid=59441076&sp_rid=bHZvcu9ua292QHlhbmlRleC5ydQS2 (accessed: 21.08.2024).

¹⁰ Караганов С. Мир, несмотря на его хаотичность, вполне предсказуем // Российская газета. 15.02.2019. Доступ: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> (дата обращения: 21.08.2024).

Запада становится всё сложнее. На смену «государству всеобщего благоденствия» там приходит государство, в котором человек сам отвечает за свою финансовую безопасность, в том числе в старости¹¹. В данном контексте справедливыми представляются как вывод председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, что «модель либеральной представительной демократии <...> уже явно не справляется с современными вызовами»¹², так и его призыв не ориентироваться на западные образцы, а искать более эффективные формы народовластия.

В этой связи особый интерес вызывает проведенный автором анализ процесса транзита власти в нашей стране, начиная с Октябрьской революции 1917 г., образования СССР и заканчивая постперестроечной Россией. Этот анализ позволяет делать обоснованные прогнозы и давать рекомендации относительно будущей трансформации власти в России в интересах большинства общества. Так, Л.С. Воронков справедливо отмечает, что «реальной проблемой для российских властей стал острейший дефицит представлений о том, какую модель социальной рыночной экономики и каким образом они намерены создать. Такая российская модель находится на стадии обсуждения и становления, политический заказ на ее разработку внятно не сформулирован, ее теоретического и идеологического обоснования пока не существует, и его еще предстоит создать. Пока что социальный характер российского государства обеспечивается указами президента в рамках “ручного управления”» (с. 104–105). В этом контексте автор подчеркивает давно назревшую необходимость выработки идеологии российского государства, которая пока отсутствует. Препятствием на этом пути является сохраняющееся интеллектуальное доминирование западных подходов в российской политологической мысли, в том числе в теории международных отношений.

Колониализм политический и интеллектуальный

Можно согласиться с Л.С. Воронковым в том, что интеллектуальный колониализм вытекает непосредственно из колониализма и является одной из разновидностей неоколониализма. Колониальная политика привела к ограблению государств. При этом западные стра-

¹¹ Обухова Е. Социальное государство прощается с Вами // Эксперт. 2018. № 44. С. 44–45.

¹² Конституция: необходимость точечных изменений // Эксперт. 2018. № 42. С. 5.

ны не ограничивались простой данью, а переделывали, перецивилизовывали целые континенты на зависимый от себя колониальный лад¹³.

Колониализм нашел официальное юридическое закрепление в международном праве. Так, Первая мировая война велась за передел колоний. Права метрополий на колонии были закреплены в Статуте Лиги Наций. Статьей 22 был введен институт опеки над колониями. Однако если на Парижской мирной конференции по окончании Первой мировой войны судьбы колоний определяли исключительно государства, заинтересованные в их дальнейшем грабеже, то после Второй мировой войны в обсуждении этого вопроса непосредственное участие принимал СССР, стремившийся лишить мировой капитализм его колониальной периферии. По мнению советского руководства, колонии играли ключевую роль в поддержании жизнеспособности и конкурентоспособности капиталистической системы.

В то время как западные державы в соревновании с коммунизмом продолжали пользоваться людскими и природными ресурсами колоний, Советский Союз расходовал колоссальные финансовые, промышленные, военные и другие ресурсы для поддержки национально-освободительных движений. Это сдерживало повышение жизненного уровня населения социалистических стран, но рассматривалось как неотъемлемая часть мирового революционного процесса. СССР во взаимодействии с развивающимися странами руководствовался идеологическими соображениями, а не стремлением к прибыли. Советская государственная идеология была направлена на удовлетворение интересов большинства населения страны и выравнивание развития союзных республик. Политика Москвы в отношении национальных окраин была призвана служить привлекательным примером развития бывших колоний на пути социализма. Через механизмы централизованного планирования ВВП Советского Союза перераспределялся в пользу менее развитых союзных республик. Ради демонстрации преимуществ социализма СССР предпринимал дорогостоящие усилия по поддержке народов, вставших на социалистический путь развития, а также оказанию военно-технической помощи национально-освободительным движениям. Таким образом, в отличие от западных держав, выкачи-

¹³ Дерлугьян Г. Чисто империалистическое самоубийство // Эксперт. 2014. № 31–33. С. 30.

вавших из бывших колоний значительные материальные ресурсы, для СССР эти отношения носили в основном затратный характер.

Устав ООН закрепил право наций на самоопределение, что привело к формальной независимости колоний. Однако западные страны предприняли усилия для удержания государств периферии в рамках модели, обеспечивающей доминирующие позиции бывших метрополий. С этой целью были созданы Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), а также Генеральное соглашение по торговле и тарифам (ГАТТ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Именно они гарантировали лидерство развитым странам и удержание развивающихся государств в зависимом положении. Например, в МВФ число голосов определяется финансовым взносом. Это позволяет развитым странам воздействовать на получателей кредитов. В качестве условий оказания помощи фонд требует перевода экономики на рыночные рельсы, приватизации госпредприятий, открытия рынков. В большинстве случаев это сопровождается разрушением местной промышленности, социальной системы и попаданием получателей кредитов в зависимость от доноров. Так, с 1980 по 2001 г. ближневосточные страны получили 45 займов на сумму 154 млрд долл. Результатом стали нулевой рост ВВП и создание почвы для исламского фундаментализма. Наивысшие темпы экономического роста были достигнуты в странах, не следовавших рекомендациям МВФ и МБРР, а наихудшие наблюдались там, где либеральная идеология развития оказала наибольшее влияние на государственную политику (Латинская Америка и Африка)¹⁴.

Одним из видов неоколониальной эксплуатации является «утечка мозгов» из развивающихся стран. В США с 1950 по 1980 г. приехали 200 000 специалистов с университетскими дипломами. Когда после 11 сентября 2001 г. Вашингтон ввел ограничения на въезд для обучения в американских университетах, появились многочисленные публикации, в которых утверждалось, что это нанесет непоправимый вред американскому научному и технологическому лидерству.

В этом контексте особый интерес в рассматриваемой книге представляет раздел, посвященный интеллектуальному колониализму. Л.С. Воронков считает, что жизненно важным элементом междуна-

¹⁴ Easterly W. The ideology of development // Foreign Policy. Available at: <https://foreignpolicy.com/2009/10/13/the-ideology-of-development/> (accessed: 21.008.2024).

родной стратегии либеральных демократий является обеспечение их собственного доминирования в сфере теоретического обоснования важнейших тенденций мирового развития.

В нашей стране в течение долгих десятилетий теории международных отношений покоились на историческом материализме, считавшем немарксистские подходы к оценке перспектив мирового развития ненаучными. В тот период идеологические оппоненты марксизма-ленинизма настойчиво и целеустремленно работали над теоретическими обоснованиями антикоммунистической стратегии, стремясь придать ей научный характер. Соединенным Штатам удалось создать международную сеть исследовательских центров и университетов. В результате сращивания академического сообщества с государственной системой в США сложился политико-академический комплекс, способный не только анализировать и прогнозировать развитие международной ситуации, но и создавать новые теории международных отношений по прямому или косвенному заказу американских элит¹⁵. Ганс Моргентау характеризовал американские научные круги как «придаток правительственной бюрократии, которая защищает и осуществляет политику правительства»¹⁶.

Многочисленные теории международных отношений, возникшие в США после Второй мировой войны, были направлены на обоснование американской внешнеполитической стратегии. Эти теории были рассчитаны на то, что они будут восприниматься как объективная реальность. На самом же деле они представляли собой созданную элитой изощренную систему камуфлирования своих реальных экономических интересов благородными моральными ценностями, правами человека и демократическими свободами. Ключевым элементом американской научно-политологической системы стало обоснование универсальности этих теорий. С их помощью западные политологи проводили серьезный анализ международных ситуаций, но с целью не предоставить объективную картину, а удовлетворить интересы элиты.

Как следствие, единая теория международных отношений на Западе так и не оформилась. На это обстоятельство указывали еще советские эксперты-международники, которые отмечали, что в за-

¹⁵ Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1976. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 83.

падной науке «есть лишь разрозненные и неоформленные “теории” международных отношений, точнее — теоретические подходы или даже претензии на теоретические разработки, концептуальные заявки амбициозного, но большей частью бесплодного характера. <...> К “теориям международных отношений” <...> можно с большой натяжкой отнести лишь немногие из них»¹⁷. Ученые ИМЭМО АН СССР констатировали, что «мир буржуазных школ и научных центров, “теорий” и методик <...> достаточно обширен и пёстр. В нем причудливо перемешано важное и несущественное, серьезное и рекламно-пропагандистское, новое и перелицованное старое, открыто реакционное и относительно прогрессивное. Если не иметь четких ориентиров и критериев, в этом материале легко утратить главную нить»¹⁸. Отчасти этот вывод подтверждали и сами западные исследователи¹⁹. Так, автор теории «гегемонистской стабильности» Роберт Гилпин считал реализм, либерализм и марксизм не научными теориями, а философскими позициями. «А значит, такую позицию нельзя подвергнуть эмпирическому анализу и, следовательно, нельзя доказать, что она является верной или ложной»²⁰.

Несмотря на это, в 1990-е годы новая российская элита взяла западные теории на вооружение для отстаивания своих интересов. Либеральные руководители России использовали оказавшиеся в их руках административные рычаги для навязывания этих теорий в сфере науки и высшего образования. Любой критический анализ западных теорий рассматривался как ретроградство, ссылки на марксизм-ленинизм — как приверженность коммунизму, а разработка отечественных теорий международных отношений встречала политическое, финансовое и административное противодействие. Российские научные фонды выдавали гранты только при условии наличия у отечественных ученых публикаций в зарубежных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, в основном американских и британских. Естественно, содержание этих публикаций должно было соответствовать либеральному мейнстриму. Западные теории международных отношений вошли в учебные программы и учеб-

¹⁷ Там же. С. 12–13.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Kaplan M. Is international relations a discipline? // The Journal of Politics. 1961. Vol. 23. No. 3. P. 137.

²⁰ Gilpin R. The political economy of international relations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1987. P. 37.

ники²¹ и в результате заняли господствующее положение в России, стали мерилом научности международно-политических исследований. Их знание превратилось в критерий академической зрелости и способности российских исследователей к научной работе.

Знаковыми и показательными в этом отношении стали книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска»²² и Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций»²³. В первой из них известный русофоб польского происхождения призывал, внося противоречия в сложные отношения на Евразийском континенте, предотвратить появление евразийской державы, способной бросить вызов мировому гегемону. Одним из ведущих тезисов З. Бжезинского является «без Украины Россия перестает быть империей», что нашло отражение в практической политике США в отношении этой страны. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона также призвана была обосновывать международную стратегию Запада после холодной войны. Л.С. Воронков справедливо отмечает, что рыхлое, неопределенное и приблизительное понимание цивилизаций С. Хантингтоном не позволяет считать его детище научной теорией. Это скорее идеологическое обоснование новой гонки вооружений.

В этой связи Сергей Караганов писал: «Западная мысль породила множество теорий развития, завоевавших международное интеллектуальное сообщество, особенно после, как казалось, окончательной “победы” Запада в 1991–2007 годах. Эти теории преподаются в университетах, их авторы пропагандируются в СМИ, где опять же лидирует Запад. <...> Между тем большинство <...> западных теорий либо устарели, либо изначально были неадекватны из-за осознанного или даже неосознанного стремления создателей служить интересам своих стран или их элит. Те же, кто за рубежами этого Запада продвигает эти теории, либо играют на чужом поле по чужим правилам, либо де-факто подыгрывают интересам не своего отечества»²⁴.

К сожалению, и в настоящее время в политологическом пространстве России доминируют теории, созданные на Западе (в основном в США) для обслуживания интересов их правящих элит. И сегодня

²¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2024.

²² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2021.

²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка. М.: АСТ, 2021.

²⁴ Караганов С. Указ. соч.

с их помощью разрабатывается повестка дня по актуальным проблемам мирового развития, которая затем навязывается международному сообществу правящими элитами западных стран, стремящимися всеми доступными им средствами сфокусировать внимание на тех вопросах, которые отвечают их долгосрочным стратегическим интересам, и предать забвению проблемы, обсуждение которых этим интересам не отвечает или противоречит.

Примером альтернативного подхода может служить Китай, уделяющий большое внимание формулированию собственной теории международных отношений и направляющий значительные ресурсы на эту работу²⁵. Китайские ученые и политики осознают, что выиграть на чужом поле, играя по чужим правилам, невозможно. Было признано недопустимым положение, когда быстро поднимающийся Китай не имеет собственной теории международных отношений, отражающей китайскую специфику. За последние годы было разработано несколько оригинальных теорий, которые позволяют КНР проводить активную, опирающуюся на научную основу внешнюю политику.

В этом отношении книга Л.С. Воронкова представляет особый интерес, поскольку демонстрирует одну из первых попыток фундаментально и глубоко обосновать необходимость выработки отечественного взгляда на международные отношения с учетом исторического опыта, географического положения, сложившейся в России структуры экономики, этнического состава населения, отношений с соседними странами и места в мировой системе.

Впрочем, не со всеми выводами и наблюдениями автора можно согласиться. Так, по мнению Л.С. Воронкова, социальный конструктивизм нельзя отнести «к числу цельных теорий» (с. 35). На наш взгляд, среди современных теоретических направлений именно конструктивизм наиболее удовлетворяет определению теории. По своему влиянию он сравним с такими каноническими парадигмами международных отношений, как реализм и либерализм, и даже превосходит их. Можно говорить о «конструктивистском перевороте», который в корне меняет взгляды на международные отношения²⁶.

²⁵ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021.

²⁶ Кочетков В.В. Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 3 (в печати).

Автор неверно трактует понятие «нация», напрямую связывая его с этносом (с. 51). В отличие от примордиального этноса, нация является воображаемым политическим сообществом. К этносу нация имеет косвенное отношение²⁷.

Наконец, больше всего вопросов вызывает последний раздел (с. 329–347), в котором автор обрисовывает перспективы дальнейших исследований. Конечно, очень важно изучать проблемы суверенитета и эффективного контроля международного сообщества над новейшими технологиями, феномены социального государства и гражданского общества, заниматься поисками эффективной модели народовластия. В то же время все эти вопросы носят частный, второстепенный характер на фоне принципиальных, мировоззренческих и даже идеологических проблем, о которых так много пишет сам Л.С. Воронков.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недочеты, книга Л.С. Воронкова представляет собой значительный вклад в науку. Она знаменует новый этап в развитии отечественных социально-гуманитарных дисциплин. До самого последнего времени они развивались (и продолжают развиваться) в прокрустовом ложе западных теорий, тем самым работая на интересы наших оппонентов. Новый этап, который, как хочется надеяться, открывает книга Л.С. Воронкова, заключается в осознании неприемлемости подобного положения. Такое осознание предвосхищает создание собственных международно-политических теорий, отражающих отечественную специфику, с опорой на которые станет возможным проводить последовательную внешнюю политику, направленную на защиту и продвижение национальных интересов России.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.09.2024;
принята к публикации 20.10.2024

The paper was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 18.09.2024;
accepted for publication 20.10.2024

²⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.